

Константин Кизявка

БАТАЙСК - ГОРОД БОГОВ

18+

Константин Иванович Кизьявка

Батайск – город богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51641220

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-96984-1

Аннотация

Конец девяностых. Батайск замер на границе тысячелетий. В далекой Мексике Дон Хуан поглощает пейоты и рассуждает о пути охотника. А здесь, на Юге России, дядя Валя Ерылкин открывает избранным куда более серьезные маршруты в иные миры. Постичь тайны великого учителя стремятся мистики всего света. И нет ему равных! Особенно, когда он садится играть в "козла"!

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	18
5	22
6	25
7	31
8	35
9	37
10	40
11	42
12	48
13	54
14	60
15	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Константин Кизявка

Батайск – город богов

Посвящается светлой памяти моих друзей и близких.

"Карлоса Кастанеду? Конечно читал! Шведская писательница Астрид Линдгрен про него написала. Человек жил на крыше".

Из интервью автора книги батайской городской газете "Вперёд".

1

Это был мягкий добрый вечер. Из тех, ранних весенних, когда свежий прохладный ветерок, играя в ветках цветущих деревьев, стряхивает на влажную черную землю мелкую белизну перламутровых лепестков.

Мой пятиэтажный хрущевский дом – большая игрушка из белого кирпича, торчал из коробки микрорайона скучным клоном многочисленных соседей. В пятиэтажках по-пролетарски утешительно совпадали планировка комнат, ориентация в пространстве и даже марки унитазов в туалетах восемьдесят на сто двадцать.

Другое дело – двор. В медленном осыпании вишен и жердел, он казался легендарным Вриндаваном, притихшим в ожидании новых игр маленького Кришны.

Тем вечером меня, до урчания в животе, волновала судьба марсиан, живущих в удаленном от Солнца углекислом холоде без шашлыков и курицы гриль. С утра так спешил на работу, что забыл позавтракать. Однако, вид родного двора напрочь вышиб из головы голодные пасторали красной планеты.

Непрошенные слезы радужными красками преобразили таких вдруг родных и понятных: бабок на перекошенной лавочке; пацанов, матерящихся на площадке вокруг изодранного мяча; и даже алкашей с одноразовыми стаканчиками,

выстроившихся в очередь у дядьки-Валькиного гаража.

В воздухе засеребрился волшебный оттенок счастья, полного, бесконечного, совершенно невозможного чтобы его ухватить, так быстро все нахлынуло и так быстро навсегда исчезло. Помню только, время странно замедлилось, почти остановилось. О неспешной походке какой-нибудь королевы говорят, что она величава. Представьте величавое падение лепестка вишни. Или величавое высыпание мусора в контейнер бабой Ниной из четвертого подъезда. Именно в этой торжественной величавости я, замерев сердцем и умом, провел чудеснейшие семь секунд своей жизни.

Взойдя на родной пятый этаж, первым делом воззвал к щедрости холодильника. Электронный друг не дал умереть. Помог наполнить желудок колбасой и томатным соком. Оставалось тихо проскользнуть мимо дремлющей перед телевизором жены на балкон. Там и случилось нечто, круто поменявшее всю мою дальнейшую жизнь.

Балкон висит на торце дома, прямо над гаражом дядьки Валентина. В сытом спокойствии я облокотился на перила и лениво сосредоточился на небесной части горизонта, залитой золотой кровавостью оседающего солнца. И вдруг в сотне окружающих звуков тренькнуло, как колокольчик, слово «дзен». Я встрепенулся, подобно тощей уличной собаке, обнаружившей в травянистом пыльном воздухе улицы слабый запах копченой сосиски.

Последние десять лет я был одержим поисками смысла

человеческого существования, одолел сотни философских и религиозных книг, где слово «дзен» находилось не на самом последнем месте. Как же я вдвойне поразился, когда понял, что слово долетело от мужиков у того самого гаража.

Их было четверо, распивавших полуторалитровую пластмассовую бутылку самогона, произведенного мастерами района. С пятого этажа трудно разобрать, о чем говорят внизу, и поначалу я решил, что попал на крючок взволнованного воображения. Однако, минуты через две среди мата и фраз типа «падла, сам придет», довольно отчетливо слышалось «нирвана», «хадж» и «пейсы».

Вам, привыкшим к салонным речам и философским диспутам мегаполисных богем, трудно понять простого батайского искателя истины, плоскость сознания которого пересекается с плоскостью теологических понятий лишь поздним вечером в энтэвэшной передаче «Гордон». Батайск не место для опасных экспериментов. Какой безумец отважится на произнесение вслух того, чего не просто не поймут, но запомнят навсегда и расскажут всему городу? Что за сомнительное счастье – всюду ощущать спиной указательные пальцы болезненно-сочувствующих согорожан? Кто выдержит стабильность испуга, возникающего в знакомых лицах, причем испуга такой силы, что прокаженные и чумные по сравнению с вами – желанные объекты троекратного христосования в пасхальное воскресенье.

Я всегда внимательно следил за собой. Работник город-

ской администрации, коренной батайчанин, никогда не позволял себе лишнего и не показывал тайного хода своих еретических мыслей. Все суждения о смысле жизни и устройстве мироздания благоразумно держал при себе. Жена, на-верное, догадывалась. Я иногда замечал ее по-нехорошему задумчивые взгляды. Но это были не больше чем догадки.

Может быть, теперь вы несколько иначе оцените мое недоумение и даже, не скрываю – восторг слышания подобных живых слов. Я загорелся одной идеей, одним желанием – попасть в круг этих загадочных людей.

В ту ночь я смотрел в потолок, и только когда он пожелтел восходом, понял...

2

Утром не пошел на работу. Не потому что плохо себя чувствовал, не потому что опротивела трудовая реальность. Гораздо хуже. Показалось, что предыдущая жизнь – бессмысленная катастрофа, из которой, наконец, можно эвакуироваться. Спасательным средством однозначно были подбалконные алкаши.

Но нужен ли им столь убогий персонаж?

Начнем с того, что я никогда не пьянствовал. Иногда принимал, конечно, и вино, и чего уж там – пиво... Но о самогоне или водке имел самые мутные представления, полученные из классической литературы. Какое же я имел право вторгаться в жизнь этих суровых людей, беспредельно закаленных огненно-водными процедурами?

Наспех выхлебав утренний чай, осторожно вышел на балкон. У гаража пусто. Прохладное утро. Нормальные люди, включая мою жену, уже зарабатывают на хлеб, не видя, каким паразитическим прыщом торчит на пятом этаже очередной батайский искатель истины. Никого. Убить бы время сигаретой, но не могу себя заставить. От никотина мозги работают совсем плохо, а я и так не сильно рассчитываю на их поддержку в последнее время. Заняться было нечем. Но жизнь менялась. Сердце наполнилось уютом. Пьянящий восторг овладел мной. Я взглянул на небо и на какое-то мгнове-

ние увидел рай. Белые деревья облаков, рваные крылья ангелов...

Снизу донесся скрип открываемой двери. Дядя Валя в гараже! Хотел было кинуться вниз, но простая идея остановила: «Что ты ему скажешь?» Сказать, действительно, было нечего.

Расстроенный этим открытием, я вернулся в квартиру и выпал на диван, уйдя в то, что батайские йоги называют «нирваной». Мысли постепенно выветрились утренним сквознячком. Опустошенный мозг равнодушно наблюдал за зашторенным полумраком. Отстукивали свое часы на стенке над телевизором. Время терялось бездарно и безвозвратно. Первой была мысль о жареном мясе. Даже не мысль, а подло прокрававшийся откуда-то заманчивый маслянистый запах. Курочку делали специалисты. Весь их изощренный садизм я осознал, когда безумное тело самостоятельно поднялось с дивана и направилось к входной двери. Ну нельзя так вкусно готовить!!!

И вдруг стало просто. Ёксель-моксель! Не могут они просто пить, надо же закусывать! И я могу раздобыть закуску под предлогом... Под названием.... Ну как они это говорят! Ах, да! Магарыч!

Тогда я ещё не знал, что эти суровые люди могли и не закусывать. Но ход мысли был непоколебим, так уж она окрепла в своем одиночестве. Счастливый, раскрыл я холодильник и протянул дрожащие руки к волшебной палочке копченой

московской колбасы.

Так и вышел из подъезда: в вытянутых руках – колбаса, на лице – восторг «идущего вместо», сжигающего семьдесят восьмую книгу Сорокина...

Дядя Валя на уютной скамеечке у гаража уже обсуждал что-то с лицом, принадлежавшим парню кавказской национальности. Говорили очень тихо и потому я разобрал лишь маленький кусочек: «...а я тебе говорю Накшбандий, так чалму... неарабский, да...» Я подошел поближе и тема разговора мгновенно поменялась. Дядя Валя сделал удивленное лицо:

– Зачем тебе пять рублей?

– Слушай! Зачем спросил! Дай, а?!

Я притворился, будто ничего не заметил:

– Вот, «Московская»!

Дядя Валя с подозрением принял протянутую колбасу, осмотрел.

– А в честь чего?

– Магарыч! – вспомнил я.

– Что за магарыч?

– День рождения у меня!

– Э! – не понял кавказец. – Колбаса это не магарыч! Колбаса это закуска!

– Ничего! – добродушно махнул колбасой дядя Валя. – Для кого и закуска магарыч!

Он тут же ловко расстелил на фанерном столике газету и

стал рубить мясопродукт тяжелым кухонным ножом. По ходу кулинарных приготовлений кивнул на свой рубашечный карман:

– Андрюш, возьми у меня полтинничек, купи парочку клюковок в желтом магазине.

Странное счастье охватило все мое существо. Совершенно не понимая, что должен купить, я понесся к «желтому», как у нас за цвет стен называли продуктовый супермаркет.

Знакомая молодая продавщица с надписью «Мария Гомес» на майке задумчиво смотрела в широкое окно на отходящий автобус.

– Мне пару клюковок! – осторожно начал я. – Вы же знаете, что это такое?

– Цирроз печени! – довольно резко отозвалась девушка и с твердым стуком установила передо мной две бутылки с черно-красными этикетками выражающими чье-то сюрреалистическое восприятие ягоды клюквы. – Пятьдесят рублей!

Напоминание о печени чуть отрезвило мою возбужденную душу. И все же новый мир по-прежнему был полон замечательных красок, и я предстал перед собранием в самом сияющем виде.

Собрание состояло уже из четырех членов. Прибавилось второе лицо приблизительно той же национальности, что и первое, появился коллега по подъезду – Леха Гапей.

– Вот он, наш спаситель! – представил меня дядя Валя. – А я уже и стаканчики приготовил.

Все сели. Лехе места не досталось, но он и не рвался на лавочку. Устроился с пустой стороны на корточках. Дядя Валя окинул всех внимательным взглядом. Аккуратно поставил в ряд пять стаканчиков и налил в каждый ровно до половины. Показал на колбасу:

– Чем богаты!

Первый кавказец, которого, как выяснилось, звали Селим, поднял стакан, посмотрел на Иваныча. Тот решительно кивнул.

– За хозяина этого дома! – провозгласил кавказец, и все дружно залили в себя клюковку.

Вкус напитка в первое мгновение напомнил мне ту самую ягоду, о которой сегодня столько говорили, но через секунду горло перехватило привкусом неприятного эфира. Зато колбаска пошла хорошо. Никогда еще «Московская» не казалась мне такой приятственной и гармоничной.

– Вот кляты москали! – заметил Лёха, зажевывая очередную дозу. – Хоть и сволота, а колбасу добрую делают.

– Думаэш?! – не согласился Ариф, второй горец. – Ты название прочитал. А ты прочитал, гдэ ие дэлали?

Леха заинтересованно завертел остатками обертки. Я взглянул на дядю Валу. Медленно тот жевал закуску, и взгляд его целился куда-то явно не в этот день и не в это место. Глаза были спокойные и добрые.

– О! – Леха нашел. – Краснодарский мясокомбинат! Ты

гляди! Ещё раз москали обломались!

Я все ждал, когда от этих бытовых разговоров мы, наконец, перейдем к философским. Но то ли мало было алкоголя, то ли много закуски... Говорили почему-то только о женщинах, политике и футболе. Откуда-то появлялись новые бутылки, подсаживались новые люди. Зашел разговор о домино и козлах. Видимо собирались играть... Впрочем, в мои приключения вливалась новая сюжетная линия. С балкона громко кричала моя дорогая, пришедшая с работы супруга. Кричала о том, что мне неплохо было бы вернуться, вспоминала свою маму и говорила о таких странных вещах, что я оставил попытки вслушаться. Я просил мироздание вернуть равновесие, чтобы как-то идти домой.

3

Как плохо бывает! Если б вы только знали! Как плохо!

И дело не в бодуне, не в отходе от какого-то там алкоголя... То, что еще вчера казалось близким и реальным, вновь пропало, потерялось из виду. Скорее всего, я просто обманывал себя. Все «умные слова», которые я якобы слышал, были неправильным восприятием пьяных базаров. Звуки, долетавшие снизу, воспринимались моим воспаленным мозгом как нечто сверхинтеллектуальное. А на деле говорилось не «нирвана», а, скажем, «НЕ РАНО ли мы собрались», и вовсе не пейсы, а «такую муть ПЕЙ САМ»... До чего же я все-таки наивен! Нет, нужно было идти на работу. И я это сделал.

Баба Шура на вахте заметила мое пятиминутное опоздание и понимающе подмигнула, мол, не сдам, не бойсь! На первом этаже на контроле не было никого из замов. Это облегчало жизнь. Боковым лестничным ходом поднялся я в свой кабинет, сел за стол и вбросил в рот еще две пластинки «Дирола».

Утренний спорткомитет – источник величайших наслаждений. Тишина. Никто не лезет в душу.

Я поставил чайник. Из приоткрытого окна нежил уши легкий шелест листвы, украшенный сочными птичьими голосами. Рай.

В дверь заглянул Виктор:

– Приветик! – его огромное лицо светилось подвохом. –

На рабочем месте?

– На нем.

– А где мы вчера были?

– Переживали трудный период нашей жизни.

– Ага! А я начальству сказал, что ты на «Локомотиве».

– Вот это мужской поступок!

– Чай будет?

– Поставил уже.

– А к чаю?

– Понял. Минут через десять.

– Ладушки!

Исчез.

В шкафу с позавчерашнего дня лежал кулек с пряниками.

Я высыпал их в тарелку, и когда чайник закипел, заварил «Гордон».

Виктор вошел ровно через десять минут. Увидев пряники, потер руки:

– Так-с! Мягкие?

Я пожал плечами. Пряничная мягкость – понятие относительное. Помню в детстве, купишь с друзьями кулек пряников за тридцать копеек, и нет ничего прекраснее. А ведь теми пряниками лунки можно долбить в зимнем Азовском море под окуня... Мы уселись и приступили к светлой утренней церемонии.

– Ты знаешь, мягкие! – заметил Виктор.

– Позавчерашние.

– Хм... Хорошо сохранились.

Он отхлебнул из кружки.

– И чай хороший! Это тот, что мы с Мишей пили?

– Ага. «Гордон». Я три пачки купил на всякий случай.

– Крепкий. И запах... Нормальный чай!

– Слышь, Вить...

– Чего?

– Как думаешь, от самогона умнеют?

– А то! Вон мой кум, как врежет пол-литра, начинает вспоминать, как ему жилось хорошо при Сталине. Шестьдесят первого года рождения парень... Конечно, умнеют.

– А чего ты так улыбаешься?

– А чего ты глупые вопросы задаешь?

– Ну, кому глупые...

– Ты чего? Обиделся?

– Да нет...

– Да брось ты, все ж свои. Плесни еще чайку.

4

К обеду спокойствие разрушили гребцы. Прилетела Аня Скрипник, тренер гребческий. Воздушная такая, розовая от радости:

– Андрей Палыч! Маша едет на Европу!

– Молодцы! – я восхитился почти искренне, совершенно понимая, к чему ведется разговор.

– Нам нужно оплатить проезд и проживание в Париже.

– Так, так... И сколько нужно...

– Ну, мы посчитали, если питание возьмем на себя, то около двадцати тысяч.

Мне стало грустно и одиноко.

– Всего?

– Да! – кажется, обрадовалась Анна. – Всего двадцать тысяч!

– Ну-ну... А вы в курсе, какой годовой бюджет спорткомитета?

– А что?

– Как раз эти самые двадцать тысяч. А кроме гребли, у нас в городе еще сорок восемь видов спорта...

– Ну Андрей Палыч! В Европу не каждый день ездим!

– Ну хорошо, съездим в Европу, повесим на двери спорткомитета большой замок и пойдем до конца года отдыхать. Я разве против? Я за! Только вы проведете сезон футбольной

команды, оплатите все праздничные спортивные мероприятия, закупите инвентарь для спортклубов и обеспечите выезд на соревнования в течение года остальных сорока восьми видов! Договорились?!

– Андрей Палыч! Ну вы нам поможете?

Я вздохнул.

– Куда я денусь. Что-то дам, конечно, но это крохи... Вы спонсоров ищите, а я помогу письма от администрации написать, чтоб поделились.

– Ну, я тогда зайду завтра? Хорошо?

– Договорились.

– До свидания!

– Всего доброго.

Трудна жизнь ослов и председателей спорткомитетов.

Витя, появившись перед обедом, сразу заметил мое настроение:

– Что такое, Андрюша?

– Да достали уже! Одна поездка на соревнования стоит годового бюджета. Какой к черту может быть спорт в городе...

– Андрюша!.. Кому нужны размеры наших пустых кошельков. Ты мне лучше скажи, обедать у тебя будем или к Мише пойдем?

– Давайте у меня.

– Хорошо, я пошел за Мишкой.

О вечном, в смысле о еде, идя на работу, позаботился каж-

дый. Колбаска, сырок, малосольные огурчики... Ребята в нагрузку взяли бутылочку «Абсолюта». И когда Миша, самый младший из нас, достойнейший представитель комитета по управлению имуществом, налил на двоих, я не выдержал:

– Плесни и мне!

– Что так? – удивился Витя. – Ты ж вроде на работе не пил никогда?

– Наливай-наливай!

– Криминал, – заключил Миша. – Андрей Палыч употребляет на рабочем месте! А вообще правильно, негоже отделяться от коллектива.

И налил третий.

Мы выпили, закусили. Потом выпили по второй, и тут я не выдержал:

– Объясните мне, друзья мои, что такое или кто такое Бог?

На меня посмотрели. Витя первый овладел собой:

– Знаешь, Андрюша, вопрос правильный. Но не по теме. Это у тебя с непривычки. Вот по третьей выпьем и ограничимся. Да, Миша?

– А что! – Миша не согласился. – Вопрос нужно решать. Я лично считаю, что это очень даже личная такая проблема. И каждый на эту тему сам себе должен ответить. Или я не прав? А может проблема не в Боге, Палыч?

Я задумался.

– Может, и не в Боге... Просто живем мы как-то однообразно, в каких-то рамках. А хочется чего-то такого...

– Высокого? – Витя налил по третьей.

– Ну, что-то около того. Ну, хотя бы необычного.

– Это вам, Андрей Палыч, с негритянкой надо! – Миша достал сигареты, зажег спичку и продолжал, прикуривая. – Однозначно! Негритянки – это что-то. Я сам не пробовал, но ребята рассказывали...

– Принимайте! – Витя расставил стаканы. – За что будем пить?

– За полноценную и регулярную жизнь! – оптимистично рубанул Миша.

Обычный день продолжался обычным ходом...

5

Дома меня ждал сюрприз – жена, вернувшаяся как никогда рано. И если обычно я встречал ее приготовленным ужином, сегодня все было наоборот. Ну, кроме ужина, конечно.

– Ну как ты сегодня? – спросила она подозрительно теплым голосом, приподняв острый носик. – Опять нажрался!

– Ну что ты! Так, пять капель! – пробурчал я, отворачиваясь и снимая обувь.

– Кому ты трешь! Пять капель! Да от тебя несет, как от бомжа! Ну, все! Будем разводиться! Господи! Если бы моя мама знала, что я живу с алкашом!

– Ну ладно, чо ты... – я прорвался в зал, включил телевизор и слился с диваном.

Но перемирия не намечалось. Суровым щелчком Тамара оборвала речь диктора и продолжила свою:

– Что разлегся? За квартиру уже два месяца не платил! Водопровод когда чинить собираешься?

– Но он же работает!

– Сегодня работает, а завтра?.. Ты посмотри на себя! Что с тобой творится? Это все твои книжки. Читаешь целыми днями. О семье совсем не думаешь! Крыша течет!

– Но у нас хорошая крыша! – попытался я состричь.

– У меня нормальная, а у тебя течет! Я эти книги сожгу когда-нибудь!

Я встал и пошел на балкон.

– Что?! Пошел алкашей своих высматривать? Урод!

Я прислонился к деревянному поручню. Пахло весной. Какие все-таки закаты в Батайске! И свежесть... Город небольшой, воздух чистый.

Внизу у дядьки Валентина вовсе не словами о Творце шумел народ, сегодня – человек восемь. С иронией я прислушался: «... да zenки, дебил, разуй скорее...», – сердился кто-то. «Вот», с удовлетворением подумалось мне, «а ведь совсем недавно послышалось бы что-нибудь типа: «Дзен определил развитие Кореи...» Хорошо, что я это осознал...»

Маты усилились. Видно, обсуждалась особенно живая тема. До драки не доходило, всех успокаивал дядька Валька. Он что-то шептал на ухо и человек переставал суетиться. Садился и тихо пил горькую после очередного тоста. Потом шум совсем заглох и мне удалось разобрать тост. Совершенно никакой Саня Баранов был уже под таким градусом, что не мог контролировать свой громоподобный бас:

– Братья! Давайте выпьем за то, что каждый из нас не уходит в nirvanу до тех пор, пока не спасет остальных...

Я уже не верил своим ушам, понимая, что мозг просто бессовестно перевирает то, что слышит, а Саня говорил дальше:

– Такова клятва всех Будд прошлого и настоящего. И это позволяет мне называть вас братьями! За Бодхисаттв!!!

– За Бодхисаттв! – подхватили остальные и осушили од-

норазовые стаканчики.

Ну вот, пьют за какой-нибудь сад, а мне слышится черт знает что. Наверное, пора лечиться. Может, жена права? Но ведь пить я начал только вчера. Хотелось отрыва от серой реальности. И вот уже конченный алкаш с тяжелым поражением головного мозга... Усталый, я прошел мимо супруги, мыслившей вслух о несовместимости наших характеров и горевавшей по поводу того, что я сегодня ей, уставшей с работы, продемонстрировал вершины неблагодарности и хамства. Кое-как стянул штаны. Упал на кровать и отрубился до утра.

6

Месяц я не пил даже пива. Но болезнь зашла слишком далеко. Иногда я проверял себя балконом и каждый раз умудрялся услышать очередное экзистенциальное слово или даже выражение. Да и жена не оставляла никаких сомнений в моей безнадежности. Она замечала за мной такие мелочи, которые прямо указывали на психическое расстройство. Один раз на вымытой мной посуде нашла зернышко риса. Другой – заметила, что просидел в задумчивости без работы по дому тринадцать минут... Короче, сама жизнь говорила, что со мной что-то не так.

Книги я теперь читал только ночью, чтобы не расстраивать близкого человека. Сначала убеждался, что она действительно спит, потом шел в туалет и там читал. Помню, чуть не попался на «Немецкой идеологии». Захотелось ей ночью пописать. Толкает дверь – заперто. Стучит:

– Ты там?

– Ага, – говорю, – приспичило.

А сам лихорадочно соображаю, что с книгой делать. Спрятал под майку. Воду спустил, выхожу. Повезло. Она сонная была, не заметила.

И так бы я, наверное, постепенно и плавно переехал в психиатрическую клинику, если бы судьба не повернула все иначе.

В тот день я, как обычно, сидел на работе. Обед уже прошел. Ребята разошлись... Я подумывал о дополнительной порции кофе. И тут он вошел. Что поразило? Худоба.

Скелет, явственно различимый даже сквозь одежду, взывал о милосердии, причем так сильно, что когда череп открыл рот для вопроса, каким-то уже несущественным показалось отсутствие у него передних зубов.

– Спорткомитет? – до предела вежливо поинтересовался он.

Я кивнул.

– А вы председатель?

– Да.

– Тогда я к вам.

Он стремительно обозначился у моего стола, развернул посетительский стул, уселся верхом. Восточные глаза горели подозрительным пламенем. Будь на моем месте кто другой, наверняка задумался бы о скорой помощи или милиции, но мне вдруг почудилась родственная душа, и я показал полнейшее внимание.

Он начал издалека.

– Меня зовут Сергей Константинович Цой. Я случайно в вашем городе. Но, если говорить честно, не совсем случайно.

В голове моей всплыла банальная мысль: парень отстал от поезда и ему нужны деньги. Однако дальнейшая речь посетителя разрушила мои зыбкие подозрения.

– Я подданный Кыргызстана. Вся свою жизнь ищу центр мира. Пять лет назад узнал, что именно там живет величайший мастер айкидо нашего времени. Долгое время я считал, что этот центр – столица Японии. Вы знаете, как называется столица Японии?

– Токио, – ответил машинально, и лишь потом пришла мысль, что со стороны могло показаться, будто хвастаюсь.

– Вы знаете!!! – искренне восхитился он. – Вы знаете название столицы Японии!

В его глазах блеснули неожиданные слезы.

– Но о чем я... ах, да... Я был в Японии. Я даже выучил японский язык. Коннитива! О, гэнки дэс ка?

На это ответить машинально я не смог и виновато потупился.

– И вы представляете, – живо продолжил он, нисколько не смущаясь тем, что я не понял его японского вопроса. – Нет в Японии этого мастера.

– Как? – неожиданно удивился я. – Совершенно нету?

– Абсолютно! Заявляю вам это с полной ответственностью!

– И как же теперь быть?

– Ага! Вот и я об этом долго думал. И вы знаете, помогла геометрия. Я купил карту мира и по направлениям летнего и зимнего солнцестояний... ну, вы наверняка в курсе этих методик Стоунхенджа... вычислил геометрический центр Земли!

Мне стало действительно интересно.

– Уж не хотите ли вы сказать...

– Хочу! Более того, скажу! Центр мира находится в вашем городе! Это уточняет подобные расчеты Тура Хейердала. Он ошибся на тридцать километров, пытаясь найти этот центр в соседнем Азове. Но факт налицо – НЕ НАШЕЛ! Я подошел к этому вопросу более тщательно. Использовал различные приспособления, вплоть до калькулятора. И я не ошибся. Он здесь.

Потрясенный, я не мог говорить. Минут пять мы молчали. Пришелец явно наслаждался произведенным впечатлением. Потом он спросил:

– Какие секции айкидо есть в городе?

– Э-э... Дай бог памяти... Это борьба?

– Вот! Подобные вопросы задавали мне и в Японии. На японском, конечно, языке, но именно такие. И вы знаете, что я отвечал?

– Пожалуй, нет...

Он встал, торжественно расправил плечи и сказал:

– Айкидо – это не борьба противников. Айкидо – это гармония партнеров.

В моей запущенной голове пронеслись мысли о тантрическом сексе и гомосексуалистах Америки. Я потер лоб, отгоняя их прочь, и попробовал уточнить:

– А вообще это вид спорта? Что-то среди олимпийских я его не встречал...

Он сел.

– Да, и подобную инсинуацию мне приходилось выслушивать. Но ответьте мне, какой же это спорт, если в нем нет соревнований?

– Нет соревнований? Это точно?

– Не сомневайтесь!

– Тогда, конечно, не спорт – по определению... Но почему вы пришли в спорткомитет?

Его лицо вспыхнуло радужным счастьем:

– Да! Да! Я ждал этого вопроса! Это общество отвело бесконечности истинного айкидо узенькие рамки спортивных федераций! Вы представляете, какой фарс! Какое неуважение основ! Какое презрение к духовному содержанию!

– Сочувствую. Но чем я могу помочь? У нас в городе нет официальных федераций айкидо.

– Нет? – он стал вдруг печален и тих.

– Но вы не расстраивайтесь. Может быть, кто-то практикует этот вид спорта... простите... это ваше айкидо... нелегально.

Он загорелся надеждой.

– А это возможно?

– Ну конечно. Есть же подпольные батайские залы качков... Есть, в конце концов, нелегальные армянские мебельные цеха...

– Вы возвращаете меня к жизни. Тогда я задам вам свой второй вопрос. Вижу, вы человек, которому можно доверять.

Итак, когда я был в Северной Америке, в одной из резерваций я разговаривал со старым индейским вождем. Этот вождь лично в свое время помогал самому Мао писать его труды. Так вот, он усыпил меня каким-то странным дымком и во сне я узнал имя Великого Учителя айкидо...

Он замолчал, и на выразительном лице явственно проступила мощнейшая внутренняя борьба. Сказать или не сказать... Ничем показались мне в то мгновение душевные страдания отягощенного черепом шекспировского героя. Наконец, он решился и, наклонившись поближе, прошептал мне прямо в ухо:

– Валентин Иванович Ерылкин!

Если я скажу вам, что у меня все замерло, я не скажу ничего. Ледяной ужас сковал каждый кубический миллиметр моего тела. В Батайске мог быть только один Валентин Иванович Ерылкин. И это был мой сосед – дядька Валька.

Через полчаса мы с айкидоическим экспертом уже подошли к дому.

– Только это... – на всякий случай предупредил я, – на мастера он не сильно похож...

– Форма всегда обманчива, – дружелюбно улыбнулся кыргызский подданный.

Встретиться сразу не вышло. У гаража никого не было. Мы безропотно присели на лавочку в ожидании.

Я не был растерян и совершенно не волновался. Наоборот. Может, и нехорошо так думать, но кореец был мощным поводом взглянуть на реакцию дядьки Вальки, оставаясь при этом вроде бы в стороне.

Двор спал. День. Непостижимое большинство на работе. Остальные по хозяйству. Бабули выползут на скамейки после шести. Детишки кто еще в школе, кто уроки делает.

– А вот скажите... – прервал мои наблюдения Сергей, – вы верите, что мы с вами сидим в самом центре мира?

Мне подумалось, что в глубине души я никогда в этом не сомневался, но признаться было боязно. Уж больно нескромно выглядело. Я и сказал:

– Не уверен.

– А зря! Столько совпадений не могут дать случайный результат. Я считаю, что здесь, – он топнул армейским бо-

тинком по сухой траве, – находится исходная точка для построения золотого сечения Земли. Наверняка придется перед обнародованием этого факта выкупать эту землю в частную собственность.

Раскосый хозяйский взгляд прошелся по местности вокруг.

– Придется строить ограждения и шлагбаумы. Нанимать пограничников. Как у вас в администрации решаются подобные вопросы?

– По найму пограничников?

– По выделению земли.

– Как везде – туго.

– Ничего, я подготовлю общественность. Я напишу письмо президенту. На моей стороне будет ЮНЕСКО...

– Мужики! – к лавочке, не спеша, двигался Леха Гапей. – Вы не Иваныча ждете?

– Здравствуй, Леша! – улыбнулся я, подымаясь навстречу. – Иваныча...

– Так нету его, – Леха крепко пожал мне руку и недоверчиво покосился на приезжего. – В больнице он. Инфаркт.

Кореец побледнел:

– В какой больнице, номер палаты знаете?

– Я чо, дохтур?

– Мы должны срочно его найти! Я слишком долго искал!

Леха, лениво наблюдая за суетой иностранца, поинтересовался у меня:

– Не москаль?

– Нет, кыргыз.

– Слава Богу, а то уж хотел в морду дать. Чо хочет?

– Говорит, дядька Валька – тренер...

Лехино лицо раздалось широким улыбоном.

– Во блин! Нашел тренера! У него с головой как?

Я промолчал, но, кажется, Леха понял.

– Ладно, – сказал он дружелюбно. – Пойду я. Жрать охота.

– Так где находится больница? – уже в спину крикнул кореец.

Леха, не оборачиваясь, пожал плечами и скрылся в подъезде.

Идти в больницу мне страшно не хотелось.

– Может, переночуете у меня? – достаточно вяло, исключительно из вежливости спросил я гостя, совершенно надеясь на отказ.

– А что! Интересная мысль! Какой номер вашей квартиры?

– Шестьдесят девять.

– Хорошо! Тогда я схожу в больницу, потом заберу вещи из гостиницы и к Вам. Договорились?

– Договорились, – тоскливо отозвался я, мысленно осыпая себя самыми страшными и обидными ругательствами.

Я еще немного посидел на этой царственной, центрально-мировой лавочке, приходя в себя после корейца. Вот-вот должна вернуться с работы жена. Я взглянул на свой балкон.

Пусто. Зато этажом ниже, на балконе Ерылкиных стоял... совершенно живой и здоровый дядька Валька. Он улыбнулся мне и даже, кажется, подмигнул.

8

Я уже приготовил ужин на троих и успел накрыть на стол, когда появился Кореец. Жена, открывшая дверь, не пустила его через порог.

– Андрей! К тебе пришли!

– А! – бездарно изобразил я радость, выходя в коридор. – Сережа! Заходи!

– Знакомься, милая, это Сергей. Он приехал в Батайск из Японии. По делам токийского спорткомитета. И остановится у нас на одну ночь.

– Вот! Люди по заграницам ездят! А тебя когда в Японию отправят?

– Скоро... – неопределенно отозвался я и вдруг заметил лицо пришельца. Верно говорят о таких физиономиях – «осиротевшая».

– Что такое, Сергей? Ты как себя чувствуешь?

Кореец перешагнул порог, разулся, прошел в зал, сел на диван и только после этого до него дошла суть моих слов.

– Всё... – мрачно сказал он.

– Что всё? – я сел рядом, ничего не понимая.

– Он умер...

– Кто умер?!

– Последний учитель айкидо.

– Все умрут... – я сдерживался только потому, что афера

дядьки Вальки не имела ко мне никакого отношения.

– Не все, – упрямылся Кореец. – Он не должен был умереть... Он должен был передать знание... Да! У него должны были быть ученики! Ты не знаешь, кто у него учился?

– Откуда? Может, у Лехи спросить?

– У того, что к нам подходил?

– Да.

– А какой номер квартиры?

– Пятьдесят четыре. На первом этаже.

– Ладно! – Кореец вдруг вскочил, подхватил свой единственный пакет с вещами и бросился к выходу. – Извини! Я не смогу у тебя заночевать. Надо что-то делать.

Радость скрыть было почти невозможно, поэтому я опустил голову, как делают сильно горящие люди, и шепотом сказал:

– Как жаль! Я должен был узнать так много нового.

– Не печалься! – ободрил обувшийся Кореец. – Видно, твое время еще не пришло.

И шагнул через порог.

Я захлопнул дверь и прислонился к ней, трясясь от беззвучного смеха.

– Во, – заметила проходящая мимо жена, – совсем от пьянки чокнулся. Алкаш проклятый.

Пару дней я постоянно вспоминал престранное знакомство с Корейцем и пытался понять, что это было. Особенно мучил вопрос, почему я не помог, почему не сказал, что дядька Валентин жив? Ответов не было. Но стало легче. Я уже не считал себя слишком больным... Так, самую малость. И даже позволял себе читать на глазах у жены художественную литературу. А мужики с новой силой бухали вечерами под моим балконом.

В тот день вернулся домой как обычно, но так устал на работе, что сразу же свалился на диванчик и заснул. Разбудил меня настойчивый стук. Испугала темнота. Странно и необычно это было. Я одетый, лежу на диване. Уже ночь, жены нет, и кто-то сейчас выбьет дверь. Вспомнив, что я все-таки тренер по шахматам, и что в третьем классе два раза ходил на секцию бокса, я мужественно подошел к двери и достаточно твердо спросил:

– Извините, кто там?

– Щас ты у меня доктокаешься! – громко и достаточно грубо отозвался странно знакомый женский голос. – Откройвай, скотина, я пришла.

В ужасе понял, что это жена. Но почему так поздно? Может, я так крепко спал, что она уже несколько часов стучит? Какой кошмар! Что же теперь со мной будет?

– Чем ты тут занимаешься? – кричала между тем она, перешагивая через порог, принюхиваясь и приглядываясь.

– Я тут это... сплю... – пытался оправдываться я, бредя за нею следом по всем комнатам нашей квартиры. Не прибавило мне смелости и маленькое открытие – от суженой явственно пахло коньяком. По большому счету, виновен-то был я.

– Спишь, сволочь! С кем?

Постепенно успокаиваясь, она осмотрела все шкафы, убедилась, что запахи посторонних духов отсутствуют, и села за стол.

– Ладно. Заснул так заснул. Я всего-то три минуты стучала. Мы с шефом из сауны вернулись, так что я голодная, как собака.

Земной шар качнулся, и вся природа замерла в страхе перед сходом с орбиты. Неповторимым усилием заставил себя собрать разбежавшиеся кусочки мужества и честно признался:

– Я... не смог, Тamarочка. Проспал...

– Чего? – справедливость возмущения жены была невыносима. – Ты даже жрать не приготовил?

– Успокойся, милая, я мигом, я сейчас!

– Вот еще! Чего это я должна тебя ждать. Вот ты все-таки козел! Мало того, что трахаешься тут с кем попало, так даже ужин не удосужился приготовить. Эгоист! Нет! Я больше не могу!

Решительно она открыла шкафчик, где лежали все наши деньги, выгребла их и положила в кожаную сумочку. Затем взяла видик, обулась в коридоре.

– Я к маме! За остальными вещами приду завтра.

И даже страшно обиженная, эта великодушная женщина не забыла обо мне:

– Вот! – отсчитала она пять рублей. – Это тебе на автобус. Хотя я бы советовала ходить пешком. Для здоровья полезно.

И ушла. Да так громко, что огромный кусок штукатурки сорвался с потолка над дверью и пыльно шмякнулся прямо мне под ноги. Мелкая крошка суетливо расшуршалась во все углы коридора.

Я отряхнул побелевшие штаны. И задумался. Жизнь приобрела трагическое звучание. Совершать самоубийство не хотелось, но мысли о том, как отреагируют на все это мои родители, упорно призывали к суициду. В этот момент в дверь постучали.

– Милая! – воскликнул я, открывая дверь.

Из-за двери на меня смотрело хмурое, недоуменное лицо Лехи Гапея:

– Чо шумите? Первый час ночи! Меня на первом этаже разбудили! Кофе есть?

10

После третьей кружки Леха как-то поуспокоился, и я решился спросить:

– Леш, а почему дядька Валька прятался от Корейца?

– А водка у тебя есть?

– Водки... нету.

– Кофе без водки... А что есть?

– Чай...

– Плохо.

Мы помолчали.

– А завтра?

– Что завтра?

– К народу выйдешь?

– С водкой?

– Я не намекал...

– Хорошо.

– Не любит он их, – Леха налил себе четвертую кружку.

– Корейцев?

– Прикалываешься? При чем здесь корейцы? Они тоже люди. Тоже выпивают на праздники.

– Так а кого он не любит?

– Левых.

Тут я озадачился:

– Какой же он левый, Кореец? Он не коммунист. В Аме-

рике Северной был...

– Потому и левый. Ему Америки нужны, Магеллановы облака, масштаб... А дядька Валька он свой, родной, тутошний. Хорошее у тебя кофе. Чо за марка?

– Московский.

Леха недоверчиво покрутил банку:

– Ну, кисловатый конечно... Но пить можно. Умеют, если захотят.

– Так а чо дядька Валька?

– Ты завтра во сколько выйдешь?

– А... во сколько лучше?

– Ты часиков в шесть выходи.

– Но... – тут я вспомнил, что жена ворчать не будет. – Да... Хорошо. В шесть. Нормально?

– Нормально, братан. Ладно, пойду я, а то засиделся что-то у тебя. Шуметь сегодня не будешь? На работу завтра рано вставать.

– Не буду.

– Ну, пока!

Мы пожали руки. Спать не хотелось. Я закрыл за Лехой дверь. Значит, в шесть. На работу схожу. Интересно, откуда он знает про Магеллановы облака?..

С работы возвращался в приподнятом настроении. Витек занял полтинник до зарплаты. Так что деньги на водку нашел. В магазине спросил на всякий случай:

– А водка какая у вас хорошая?

Продавщица осмотрела прилавок критически:

– Знаете, возьмите «Дон-батюшку». Люди хорошо берут.

Взял. Задумался на выходе из магазина. До шести – полчаса. Пусть жены дома и нет. В принципе, пару раз уже уходила к маме. Отдохнет от меня, солнышко. Все же традицию нарушать не буду. Ужин за полчаса – это реально.

Открыл дверь квартиры. Гулко как-то открылась. Знак что ли дурной какой? Сразу даже не понял. Постоял на кухне как столб минуты три. Потом дошло – куда-то пропал холодильник. Прошел в зал. Телевизора тоже не было. Видеокассет... Да каких там видеокассет! Стенки финской, в которой видеокассеты стояли, опять же не наблюдалось. Куда-то исчезла вся мебель, все ковры, вся бытовая техника... Ситуация мало походила на разрушенный Иерусалим. Там хоть развалины сберегли. Скорее неудачный поджог Александрийской библиотеки. Все сгорело, а книги остались. Аккуратненько сваленные в углу зала на пустой пол.

«Заратустры на них нет! Нашли кого обворовывать!» – подумалось мне. Особенно расстроила пропажа плюшевого

кенгуренка Фишки. Жена так его обожала. Жалко.

И что мне было делать... Чернокнижники, маги и фокусники в такой ситуации казались мне слабыми помощниками, а вот милиционеры... Хвала Аллаху, телефон был на месте. На том же месте меня терпеливо ожидал еще один сюрприз. Записка...

«Вот это наглость!» – нешуточно удивился я. – «Грабят, еще и записочки оставляют».

Прочел:

«Милый, я забрала свои вещи. Все унести не смогла. За телефоном и поваренной книгой зайду завтра. Целую. Тома».

Только теперь я увидел себя со стороны. Безумный чел с бутылкой «Дон-батюшки» в руках, стоящий посреди комнаты, заваленной книгами. Отличный кадр для фильма времен перестройки. Типа «на пороге новой жизни». Прекрасная деталь – среди книг. Это показалось особенно удачным в киношном смысле, зритель сразу поверит в чрезвычайно развитую интеллектуальность хозяина подобной квартиры. Эдакая духовная нищета вселенских масштабов. Кстати, о нищете. Интересно, а что, кроме женской одежды и Фишки, было ее вещами?.. Такая постановка вопроса завела меня в тупик, ведь и видик, и телек, и вся мебель были здесь, еще когда я жил с родителями и спокойно себе учился в младших классах школы номер шестнадцать. Но все это, в конце концов, были мелочи. Часы показывали пять минут седьмого!

Как кипятком!

Как я бежал по лестнице!!!

Ждали меня.

Дядька Валька, Леха и Саня Чистяков сидели на лавочке, о чем-то спорили. Видно, так увлеклись, что даже при мне тему менять не стали. Ну я и притих в сторонке, с нелепой бутылкой.

– А что забор! – возмущался Саня. – Да им какие заборы ни построй, все равно разломают!

– Уроды! – кивнул Леха. – Таких – только бомбой.

– Не нужен забор, – согласился дядька Валька. – Я отгородился, ты отгородился. И что? Стали мы дальше? На пальцы надели перчатку. Ну, и довольны – у каждого теперь своя рука. А раз своя, значит, отличается от других. Трудно ли придумать, чем отличается...

– Москали! – убежденно заметил Леха. – У них своя болезнь Шюллера, у нас своя болезнь Хенда.

Дядька Валька улыбнулся. Повернулся ко мне:

– Андрей! Что это там у вас сегодня, переворот, что ли?

Переезжаете куда?

– Да... да, вроде... частично.

– Ты чего опаздываешь? – то ли в шутку, то ли всерьез нахмурился и, как мне показалось, смутился Леха.

Я извинительно пожал плечами:

– Вот... принес...

Валентин Иванович принял бутылку, пожал мне руку и подмигнул Сане:

– Санек, ты там подсуетись.

– Какой разговор, Иваныч! Момент!

Исчез. И только образ его, в память врезанный. Телепортация, что ли?

– Ты садись! – предложил мне дядька Валька.

Я присел на краешек, заметив, как бутылка перекочевала за пазуху нашему дворовому Антимоскалиту.

– Дабы не соблазнять ближнего, – Леха хмуρο покосился на ветерана Василь Василича, копошащегося в огороде.

– Леш! – дядя Валя сделал странный знак пальцами. – Принес бы хлебушка...

– Понял! Все понял. Хорошо. Будет хлебушек...

Мы остались на лавочке вдвоем. И тут он спросил:

– Что именно ты хочешь узнать?

Вы можете не верить, но я на самом деле вздрогнул. Меня аж перетряхнуло всего. Это был не дядька Валька, мужик из квартиры в нашем подъезде, вечно ворчащий на гадящих котов... Этого человека я видел, точнее, слышал впервые. Не было в его голосе ничего тутошнего, о чем вчера размышлял Леха. Наоборот, нездешняя такая усталость, словно пришел человек из такой абсолютно лютой экзистенциальной хрени, а ему: «Своди нас, ежик, еще к тем грибочкам!» Короче, растерялся я не по-детски.

– Связь я думал... найти... Ну, вы же тут...

– Употребляем. Да. Но где ты связь увидел?

Я совсем поник:

– Да нет... не поняли Вы... Я ... не связь. Наоборот. Я хочу понять смысл.

– Смысл?

– Да! Наверное...

– Почему именно смысл? Тебе просто сила нужна, да?

– Да я это... бегаю иногда по стадиону...

– Стадион это хорошо, – дядька Валька даже зажмурился, когда сказал «хорошо», наверное, любил спортивные сооружения. – Только не та это сила. Ты видишь перед собой этот мир. Он подчеркнул слово “этот”, будто существовал еще как минимум десяток других миров. А о силе его не знаешь. А ведь без силы первого мира не попасть в следующий... Хотя, о чем это я...

– А можно мне эту силу... ну, увидеть, что ли?

Дядька Валька озаботился:

– Так... июнь... Полтора месяца получается где-то... А ты уверен, что это тебе нужно?

– Вообще-то, я ни в чем не уверен. Вот давно хотел поговорить. А тут вроде и говорю, а сказать толком ничего не могу. Ну, баран.

Совсем задумался дядька Валька. Потом улыбнулся, как тогда, на балконе.

– Хорошо. Будем считать, договорились. Я согласен полтора месяца помучиться, но только с этого момента одно

условие... «Я лучше тебя знаю, что ты должен знать». В принципе, ты сам предложил. Но тебе понятно?

Со стороны может показаться, что ни черта не понятно, но я честно понял. Я вспомнил, что никогда не доверял себе. И вот нашел того, кому можно... нужно доверять. Во всем. Может быть, открыл это только в тот момент, когда изменился дядьки Валькин голос... Не важно. Главное, что в те минуты не было сомнения в правильности происходящего. Все, что до этого, не только моя тупая жизнь, но все, совершенно все в мире от его сотворения – все произошло ради нескольких мгновений нашего общения на непутевой, алкоголической лавочке.

От подъезда, напевая песню про Стеньку Разина, всю улыбался Леха с булкой белого хлеба.

Я почувствовал, что жизнь навсегда непонятно как, но изменилась...

На следующий день, пока я был на работе, из квартиры унесли телефон, поваренную и какие-то еще книги. Я понял это, заметив, что фолиантов в углу поубавилось. Радовало, что не взяли Библию и Бхагавад-Гиту, очевидно переживали за чистоту сознания от религиозных догм и стереотипов.

На очередной занятый у Виктора полтинник я подкрепился анакомом с сосисками и сохранил денег на ближайшую пару дней до вероятного аванса. Я запомнил адрес, три раза повторенный мне вчера дядькой Валькой по окончании питейных церемоний. Орджоникидзе, 93. К совету моего нового учителя о том, что одежда должна быть старая и грязная, я прислушался, но практически выполнить не смог ввиду отсутствия в квартире всяческой одежды, кроме той, в которой ходил на работу. Даже пара дырявых носков, которую собирался выкинуть, ушла в неизвестном направлении.

Так, в пиджачке и при галстуке, я и явился по указанному адресу. Дипломат тоже на всякий случай прихватил с собой. Кто знает, вдруг жене срочно потребуются мои отчеты по спортсооружениям Батайска... Я бы и не против, но мэр... Не поймет.

Дом, должен вам заметить, не был памятником современной архитектуры. Метафизического буйства стихий, как того требовало мое небедное воображение, не наблюдалось.

Эдакое деревянно-шалеванное, покрытое камышом, подобие жилища микроскопических размеров с небольшим огородом. Впрочем, огород – достаточно сильное выражение для участка земли, густо заросшего непроходимыми в мой рост сорняками.

– Ты все-таки пришел!

Дядька Валька казался удивленным. Не сработали его вчерашние запугивания. Трудности и психиатрические клиники, которыми он страдал, были нелепыми радостями в сравнении с гневом моей тещи, мамочки и папочки. Нужно было что-то делать. Жизнь предлагала расстаться с ней, но она же давала прекрасный повод изменить ее так, чтобы расставание отодвинулось на далекое «потом».

Так что я гордо кивнул и поставил дипломат на землю.

– Что я должен делать?

– Для начала выпить стакан водки, – предложил дядька Валентин.

– Была бы водка! – диалектически подошел я к этому вопросу.

– Как знать... Водка водке рознь.

– В смысле, разные сорта?

– В смысле, разный подход. Ну, да пойдем в дом.

Потолки в хате были низкие, я чуть пригнулся, чтобы не шуршать макушкой по свежей побелке. Комнат было три. Это, если не считать верандочки и прихожей, в которых можно было разместить разве что три пары обуви каких-нибудь

гостей с японским размером ноги. Скромность зальчика, куда мы вошли, тоже говорила о совершенно излишнем аскетизме жильцов, если они здесь когда-нибудь были.

– Жить здесь будешь ты, – заметил дядька Валька, и я мысленно обрадовался, что никакие соседи как и всякий плод моего воображения не стеснят моего пребывания в этом крохотном пространстве.

– Вот, – показал он на кровать с железной сеткой и накинутым сверху армейским матрасом. – Тут ты будешь спать. В соседней комнате холодильник с продуктами. Присаживайся.

Мы сели на древние стулья за не менее древний дубовый стол.

– Итак, – дядька Валька сменил тему. – О водке. Как ты ее пьешь?

– Вот так, – я довольно умело, отставив мизинчик, изобразил свое понимание этого элементарного процесса.

Наставник заметно погрузтел:

– Для тебя существует только конечная фаза питья. Не самая важная, заметь. Гораздо большее, например: подготовку посуды, подготовку жидкости, да даже наливание ты просто не вспоминаешь. Нельзя быть таким легкомысленным. Ведь так священнодействие становится просто механическим актом, лишенным смысла и внутренней силы. В итоге то, что могло тебе помочь, уничтожает тебя. Ты теряешь точку души вместо того, чтобы развиваться из нее. И что? Алкоголизм?

Белая горячка? Ты этого добиваешься?

– А не надо? – даже удивился я. – А как же измененные состояния сознания?

– Да... – дядька Валька вздохнул особенно тяжело и обреченно. – Ты вообще хочешь что-нибудь понять?

– Да...

– Что?

– Хочу! – заорал я так громко, что где-то в соседнем дворе забила в истеричном лае собака.

Дядька Валька пальцем прочистил уши.

– А ты, малый, не дурак... Ну, хорошо. Начнем с того, что водку перед употреблением ты должен три дня держать в закрытой бутылке в восточном углу комнаты. Причем не ниже уровня своего пупка.

– Зачем?

– Ты будешь вопросы задавать, или я рассказывать?

Я раскаянно кивнул.

– Неважно, зачем. Важно, как. Эта бутылка должна стать твоей. Но на получение такого разрешения от Силы нужно ровно три дня. Очень важно твое отношение к этой бутылке. Ставя в угол, ты должен полностью отказаться от нее. Отдать тем, кто действительно заслуживает все сокровища этого и других миров. Это должен быть подарок от сердца. Ты должен помнить, что в эти три дня твоя бутылка может разбиться, исчезнуть, наполовину опустеть... Все в руках Силы миров. Ни в коем случае не сокрушайся по подобным утратам.

Ведь ты уже отдал эту бутылку, и только Сила миров решает ее дальнейшую судьбу. Но когда три дня истекут, ты должен будешь очистить угол. То ли от осколков, то ли от пустой, то ли от полной посуды... Вот эти отходы и есть твоя бутылка. И если в ней осталась водка, то Сила миров хочет, чтобы ты сам решал, что делать с ней дальше. Ты можешь ее выпить один или с друзьями, можешь разбить или вылить ежику в украинских лесах. Силе твой напиток уже не нужен. Но только эта водка будет полезна для твоего развития.

Наставник внимательно посмотрел мне в лицо:

– Запомнил?

– Угу. А как готовить посуду и наливать?

– Молодец! Стаканы должны отличаться от остальных.

Сразу после покупки их нужно тщательно вымыть проточной водой – не в какой-нибудь чашке или тазике, лучше всего прямо под краном, ну, можно, если кто другой льет воду, – и использовать только для правильной водки. Таких стаканов в доме должно быть три. Если какой разбился, заменишь вновь купленным и вымытым. Если пить будут больше, чем три человека, то берется только один правильный стакан – для тебя. Если три или два – каждому вручаешь правильную посуду. Хранить стаканы надо отдельно от другой посуды. После каждого применения правильно вымывать и ставить на место. Перед применением мыть нельзя. Если кто запачкает стакан после того, как его помыли или не дай Бог, нальет в него какую другую жидкость – стакан нужно тут же разбить

и выбросить подальше. Ну, значит, и купить новый...

На этом месте запас дядьки Валькиных инструкций иссяк.

– Все, кажется... Запоминаешь?

– Да, вроде бы несложно...

– Это хорошо.

– Так, а пить как?

– Да как... Как ты показывал, так и пей. Есть, конечно, детали... Но за три дня я тебя еще ими загружу. Вот, возьми полтинник и давай за водкой. Только выбирай с любовью. Не себе берешь...

Вот тут на меня и нахлынуло.

Я пошел с этими деньгами к ближайшему ларьку так, как, наверное, в церковь не ходят. Деревья и небо просто сияли дотоле неведомой мне неземной красотой. И меня можно было понять. Я первый раз за всю свою жизнь шел покупать настоящую, правильную водку. И, кто знает, может быть, эта водка даже станет моей. Во всяком случае, очень даже верилось, что станет.

Остаток дня прошел в нелепой суете. Установка бутылки, покупка стаканов и продуктов на месяц вперед. Я хоть и чувствовал себя по меньшей мере «небесным воином», все же опустил до банального занятия денег у своего сенсэя. Пообещал вернуть с аванса, в неизбежность которого свято верил. И эта вера казалась мне духовной, потому, что была в противовес знанию.

Дядька Валька покинул меня после захода солнца. И я сразу почувствовал себя брошенным маленьким ребенком. Все-таки встречать ночь одному в квартире совсем не то, что в частном доме. За стеной не лопочут соседи. Не поют свои колыбельные батареи и трубы. Пустота. Людей-то кругом на многие метры нет. А страшно оттого, что кто-то все-таки рядом. Во дворе скрипит и кашляет. На крыше шуршит и вздыхает. Жуть. А тут еще на матрасе без подушек и одеял ворочаешься, ловишь невозможное удобное положение... В общем, часа три пытался заснуть, отмахиваясь к тому же от нудящих комаров. Потом провалился вместе с ними в какую-то трещину и вернулся только благодаря будильнику в семь ноль-ноль по московскому времени.

День был обычным до безобразия. Работа, чаепитие, обед, возвращение домой... Ага, вот пункт, который отличался от

стандарта – не домой я возвращался, а на улицу Орджоникидзе, где уже поджидал меня суровый учитель.

Он сидел в доме за столом и читал какую-то, насколько я успел разглядеть, яркую брошюрку со страшной мистической тварью на обложке. Обернулся, когда я вошел:

– Готов?

– К чему? – не совсем понял я.

– К обучению.

– Готов.

– Ну, тогда идем во двор.

Я сделал трехочковый бросок дипломата на кровать. Следом полетели пиджак и галстук. Для этого пришлось подойти поближе, но и два очка тоже неплохой вариант – легли четко, не пытаясь свалиться на пол. Мы вышли на улицу.

В маленьком дворике росли всего три дерева: яблоня, вишня и тютюна. Валентин Иванович подошел к яблоне и прислонился к ней щекой. Как там называется любовь к растениям? Есть ведь и такой приколы. Заметив мое непонимание, он улыбнулся:

– Иди сюда!

Я подошел, весь – само внимание.

– Видишь деревья?

– Ну...

– Какое из них относится к тебе лучше других?

Я с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. Дядька

Валька, наверное, понял это и нахмурился.

– Ты думаешь, деревья тупые? – строго спросил он.

– Да нет, извините... Просто неожиданно как-то все. Ну, как деревья могут относиться ко мне... Они же меня не знают. Они же деревянные...

– Ну, это еще вопрос, – голос Валентина Ивановича стал помягче, – кто из вас деревяннее. Здесь все деревья разные. Походи между ними, прислушайся, присмотришь, потрогай. Найди самое, на твой взгляд, приятное. А я пока пойду, прочитаю.

Минут пять я сам стоял как дерево, убитое демоном засухи, и переваривал услышанное. Меня даже в армии такими маразмами не грузили. Караульная служба как-то ближе к жизни. Там хоть знаешь, что охраняешь. А тут сплошные непонятки. Прошелся, как тот разводящий, от одного ствола к другому. Пост номер один, два, три... Присмотрелся. Каждое из деревьев по-своему красиво. Вишня в маленьких зеленых жемчужинах, пробившихся сквозь усохшие лепестки. Ствол тютины шершавый, а ствол яблони – гладкий, с глубокими бороздами. Ветви у вишни хрупкие, у яблони просторные, а по тютине можно лазить со всеми удобствами. Это мне детство вдруг вспомнилось. Ну не мог я сказать, какое из деревьев приятнее. Более того, чем больше я между ними шлялся, тем больше росло раздражение на каждое из них. Наверное, я неправильно подходил к решению поставленной задачи. Пожалуй, не совру, если скажу, что прошло несколь-

ко часов. Солнце село, начинало темнеть. И тут осенило. Что мне больше нравится! Плоды какого дерева я предпочитаю остальным! Тут двух мнений быть не могло. Вишня! Что может быть лучше вишневого компота, в меру кислого, в меру сладкого. Из яблок компот выходит приторный, а из тютюны вообще, на мой вкус, неприятный. Так что вишня. И как я раньше не догадался.

– Валентин Иванович!

– Да! – появился на пороге мой старшина.

– Сакура!

– Что за сакура?

– Извините, это я так вишню назвал, по-японски...

– Да... Тяжело тебе будет в России... Ну, пойдём.

Мы подошли к вишне.

– Положи руку на кору, – приказал дядька Валька.

Я положил. Он внимательно посмотрел на вишню, потом на меня, потом опять на вишню... В глазах его ясно определилось глубокое разочарование.

– Что, – заботливо поинтересовался он, – компотик любишь? Вишневый.

– Ага, – как-то сразу сник я.

Валентин Иванович шумно выдохнул, очевидно, сдерживая поток не совсем приятных выражений, и вежливо так сказал:

– До утра время есть. Ищи. Только не путай зеленую ману с синей. И Россию с Японией. А я пойду, посплю.

Следующие три часа провел в сумасшедшем поиске симпатизирующего мне дерева. Между тем, самого уже просто трясло от ненависти к этим тупым плодоносителям. Уже начхать было на их добрые порывы в мою сторону. Хотелось спилить к чертовой матери и улыбаясь, так невинно сказать дядьке Валентину, что, мол, не получилось. Не деревья были уже вокруг меня, а какие-то враги. Обступили, переглядываются, гадость какую-то замыслили... Гранату бы сейчас. А еще лучше бензопилу «Дружба». Подходящее название, как раз по ситуации. Я подумал, что так меня уже давно никто не доставал. И тут же родилась чахлая еще, но с каждой секундой крепнущая мысль. А ведь не только я раздражен. Есть еще чье-то раздражение, которое чувствую. Дошло, что это раздражение деревьев, и не они меня, а я их достал своими бесконечными пристаиваниями. Тут же яснее ясного стало, что мне, в общем-то, по барабану эти деревяшки. Дело в отражении. Они злятся, а я лишь отражаю злобу в обратку. Тогда возникает вопрос, чего я делаю среди этих злобных адептов фотосинтеза. Я что, аккумулятор для накопления отрицательного заряда? Извините, выхожу из игры. Я отодвинулся в сторонку, потом еще и вдруг... Холод и раздражение исчезли. Посмотрел вниз. Там сжимался комочком маленький кустик. И никакой ненависти деревьев. Мне стало так хорошо, будто я только что вмазал доброй водки и в то же время, гораздо приятнее чем после какого угодно спиртного. Так, словно я опять маленький мальчик и вернулся в свой един-

ственный и неповторимый домик. Не выдержал и сел прямо на траву, рядом с кустом. Глаза закрылись сами собой, и я заснул.

Кто-то резко ткнул в бок. Я открыл глаза. Рядом сидел на корточках задумчивый дядька Валька.

– Значит, папоротник? Очень странно. Что-то не припомню никого, кто бы смог найти с ним общий язык. Даже не знаю, к чему бы это...

Он помог встать. Я шатнулся и чуть не упал. Больно затекла правая нога.

– Ладно, – махнул дядька Валька. – Спокойной ночи. Пошел я домой.

– Спокойной ночи, – отозвался я и медленно захромал к флигелю.

У меня появилась маленькая традиция: заходя в дом, посмотреть в угол, на заветную бутылочку. Сказать по совети, не верил я во всякие там силы, но очень надеялся, что они как-то себя проявят. Отхлебнут или наклейку сорвут. Но, как вы понимаете, ничего такого не происходило.

После вчерашних древесных приключений на работе несколько раз вырубался прямо за столом. Очевидно, еще не стал святым, и ночь без сна пока не компенсировалась духовным пропитанием с неба. Благо, посетителей почти не было. Ход мысли ведь в таких случаях известен. Раз не выспался, значит ночью... с кем-то... Каждому ведь не объяснишь, что медитировал на природу. Опять же, и это могут понять неадекватно... В общем, по дороге «домой» больше всего радовала смутная надежда, что дядька Валька даст заснуть хотя бы в десять вечера.

Я бросил взгляд в угол и, без особого удивления, бутылки там не обнаружил. Не нашел я и дядьки Вальки, отчего мой ум тут же оформил совершенно убедительную версию произошедшего. Дядька Валька, желая уверить меня в своих бредовых идеях о силах миров, задумал подействовать этим силам и распить уже практически мою бутылочку в районе своего гаража. Нечего сказать – ловкий ход. Будет вполне понятно, если теперь понадобится еще одна бутылка,

а потом еще...

Я совершенно не обиделся. Просто смешно стало, что такой взрослый и солидный мужчина, как Валентин Иванович, придумал такую наивную сказку про водку, только для того, чтобы ее у меня выдурить. Ну сказал бы прямо. Я что, не купил бы. Мне что, для учителя жалко, что ли?

Есть в принципе не хотелось. Мозг от недосыпа начал выпадать из реальности, наполняясь фиолетовыми треугольниками и огненными кругами. Я не стал сопротивляться, свалился на кровать и задремал. И тут приснился мне такой несуразный сон, что не описать его, наверное, просто нехорошо.

«Ночь. Стою на крыше пятиэтажного дома. Дую в трубочку. Макаю ее в стаканчик. Пускаю мыльные пузыри. А сам, главное, догадываюсь, что вот-вот на меня с неба обрушится комета. Но увлекся так сильно, что все остальное ну совершенно не беспокоит. Пузыри такие красивые... И красные, как солнце, и серебряные, как электросварка, – аж смотреть невозможно и даже зеленые, как киви, откусить хочется.

И выходит на крышу большая такая черная тень с головой крокодила. Увидела мои пузыри – хватъ трубочку, а меня хвостом – швырь с крыши... Лечу я и вижу огромную комету. Хочу закричать крокодилу, что худо ему сейчас будет, а губы не раскрываются. Сам взлетаю отчего-то все выше, и сверху хорошо так вижу, как врежется комета в тень и расшибает ее на миллион маленьких черных кусочков. Грохот

сумасшедший. А дому хоть бы что. И дед в казачьей фуражке с бейсбольной битой на замахе вылезает на балкон и орет:
– Дурбалаи!!! Какого хрена шумите! Ночь на дворе! Где бутылка?»

Я приоткрыл глаза. В остатках ослепившего меня фейерверка явственно проступило лицо Валентина Ивановича.

– Где бутылка? – еще раз повторило оно с заботой и нежностью.

До меня дошло, что крыша была только сном. Я резко сел в кровати.

– Здравсьте! А вы разве не знаете, где бутылка?

– Ага, – дядька Валька потерял интерес к теме. – Значит, не знаешь. Придется покупать новую.

Я не смог сдержать грустной иронии:

– Ну конечно, новую! Как это я сразу не догадался! Аванс у меня будет приличный... Бутылок на десять хватит...

– Ты, кажется, собирался расстаться с этой бутылкой? Так чего же ты о ней жалеешь?

– Да ладно, Валентин Иванович! Мне вправду не жалко... Просто я не такой же тупой?

– Не такой же. Другой. Но тупой. Мы все тупые, каждый по-другому... Это не стыдно, это нормально.

Я встал на пол. Потянулся сладко.

– Ну, я в магазин?

– Нет, темно уже на улице. Надо при солнце ставить. Уж

пережди до завтра – с работы будешь идти, купишь.

Я почувствовал, что проголодался.

– Анаком будете?

– Спасибо, покушал. Как ты себя чувствуешь?

– Да так, чушь всякая снится...

– Ну-ка, поподробнее...

Выслушал он меня даже чересчур внимательно. Подумал немного. А потом говорит:

– Идем во двор. На сегодня занятия отменим. Комету будем ждать.

Я хорошо помнил, что дураком работаю по душевному порыву и даже попытался изобразить полнейшее понимание:

– Комету? Конечно-конечно. Идемте!

С полчаса мы сидели на лавочке у крыльца и наслаждались прохладным очарованием батайской ночи. В глаза опять было полезли предательские треугольники, но на всю улицу заревела сирена и замелькали проблески, похожие на сварку из сна.

– Вот и комета... – торжественно объявил дядька Валька. – Пойдем, посмотрим, куда она упадет...

Машина «скорой помощи» стала у зеленого, довольно круто покосившегося забора в трех домах от нас. Насколько я знал по слухам, в доме за этим забором жили какие-то не то бомжи, не то наркоманы. Причем последнее, по моему трезвому размышлению, было куда более вероятным, ведь у бомжей не могло быть дома по определению.

Мы подошли совсем близко. Тихо курил шофер скорой.

– Что случилось? – поинтересовался дядька Валька.

– Да х.. его знает... Вроде потравились все. Один только грибочки не ел, вот и позвонил.

Из дома вынесли первого клиента. Щетинист был бобер. То есть, небрит мужик. Мне почему-то показалось, что он не наркоман. Может быть, все-таки бомж? Спросить бы его, но сознание временно отлучилось из его стильного тела. Экстренной реанимацией при допросах я не владел, да и кто бы сейчас позволил. Вынесли еще двоих. Мужика и женщину. Закинули в скорую.

Водитель громко плюнул на ладонь. Загасил об нее недокурок и аккуратненько приладил за ухо.

Машина вновь завывла, засверкала и проехала куда положено. Одинокой грустной тенью остался у ворот парень в джинсовом костюме. Он был явно моложе и «элегантнее» унесенных медициной. Даже в десяти шагах меня смущал густой анашиный дух этого наркомобильного странника по иным измерениям.

– Что, братан, – поинтересовался дядька Валька. – Грибами потравились?

– А ты кто такой? – резонно отозвался парень.

– Про Полено слышал?

– Ну, слышал...

– Я его брат.

– Вот те раз! А чо. Мы все нормально. Мы тихо.

– Так что случилось? Грибочки?

– Может, и грибочки... Только мы их с этого баллона третий день едим. Может, ближе к дну поганые попались...

– А что это вы на грибах? Что, есть нечего?

– Не, они жрали конкретно. Самогон кончился, так они где-то бутылку водки достали. Выжрали мгновенно.

– А ты?

– Не, я водку не пью. Алкоголь – враг.

– Анаша?

– Ну дак...

– Ну ладно, бывай, брат. Я тут через три дома живу. Заходи, если что...

– Это где... тут... э... Во блин... Да! – парень ну очень сильно изменился в лице в сторону полной растерянности.

– И тебе спокойной ночи! Пойдем, Андрюша.

Уже в доме, исполняя мое скрытое желание, дядька Валька пожелал мне приятного аппетита, спокойного сна и на пороге ненавязчиво так спросил:

– Ну что, Андрюша, заметил, в кого комета попала? А если бы ты в обход силы бутылку присвоил? А?

Спросил и ушел. А у меня мало того что от таких вопросов аппетит пропал. Еще и заснуть пару часов не мог. Все думал. При чем здесь комета? И как она зависит от пропавшей у меня бутылки... Любят все-таки эти учителя поиздеваться над студентами...

В последующие три дня я окончательно переключился на новый ритм. Анакомы, вечернее купание в тазике, уроки Валентина Ивановича... Все лучше того шока, который получился с женой, и которым была предыдущая жизнь. Голова наполнилась невообразимыми раньше проблемами. Например помирился с яблоней и вишней, но не нашел еще подходов к тютюне. Каждое утро общался с папоротником, у которого оказался любимчиком. Даже Виктор на работе заметил, что я в последнее время стал какой-то «удовлетворенный» во всех смыслах этого емкого русского слова...

Кстати о работе. Получил же аванс. Долги вернул. Одежды кое-какой прикупил в секунд-хенде. Все-таки пиджак для работы, а не для кувырканий в траве. Из важных событий самым интересным было то, что у новой бутылки уже заканчивался срок пребывания в силе, но она по-прежнему стояла на месте.

Дядьки Валентина не было. Утро светилось и чирикало вовсю. Я сидел на лавочке во дворе, выполняя заданное упражнение. Нужно было прикрыть глаза, чтобы все вокруг расплылось в тумане и думать на тему: «Что такое мир, который я воспринимаю глазами: свет, отраженный от предметов, или сами предметы?» Мозг быстро зашел в тупик, остановившись на том, что сами предметы тоже вполне могут

быть светом, но почему-то не воспринимаются в полной темноте. Мысль сбилась на водку, стоящую в комнате. Как она там... В силе? Интересно, в силе ли ее свойства алкоголические или уже выдохлась? Эдакий каламбур. В силе где и в силе что... Еще несколько мыслей на эту тему и я не выдержал. Бросил упражнение и пошел посмотреть на бутылку. На месте. До выхода из силы еще час. Интересно, пропадет она за час? Решил понаблюдать за этим и лег на кровать, не сводя глаз с таинственного угла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.